Л. Р. Пухова

НЕКОТОРЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ОСЕТИНСКОМУ НАРТОВСКОМУ ЭПОСУ

Работа представлена кафедрой педагогики Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор Е. Е. Хатаев

В статье приводятся некоторые этнографические параллели между нартовским эпосом осетин и эпосами народов мира.

Ключевые слова: *мировой фольклор, духовное наследие, параллель.*

L. Pukhova

SOME ETHNOGRAPHIC PARALLELS WITH NART SAGAS OF THE OSSETIANS

The article is dedicated to some ethnographic parallels between Nart sagas of the Ossetians and epic works of other nations of the world.

Key words: *folklore, spiritual heritage, parallel.*

Фольклор любого народа составляет его ценнейшее духовное наследие. При этом каждый жанр народно-поэтического творчества имеет важное духовно-познавательное и художественно-эстетическое значение. Фольклор дает своеобразное, отличное от официальной историографии отражение истории с позиций самого трудового народа.

«Вследствие точности и правдивости, – говорит Поль Лафарг, – в народных сказаниях устная литература обладает исторической ценностью больше, чем любое произведение отдельного индивидуума; поэтому ею можно спокойно пользоваться без опасения быть введенным ею в заблуждение» [5, с. 52]. Только фольклор может передать понятия, чувства, идеалы народа, и это особенно ценно для того периода, о котором вообще мало источников. С этой точки зрения эпическая поэзия горцев Кавказа представляет собой важнейший источник для раскрытия сущности их духовно-этнической культуры.

Народный эпос – это неписаная история, созданная самим народом, художественное обобщение важнейших событий национальной жизни, независимо от того, легли ли в его основу конкретные исторические факты или же это художественное обобщение типических явлений исторической эпохи. В этом отношении особое значение приобретает эпос народов, приобретших свою письменность в недалеком прошлом.

Эпос горских народов Кавказа «Нарты» – один из древнейших и величественных памятников мирового фольклора, дошедших до наших дней в живом бытовании [9, с. 46].

Нартовский эпос в разной степени, но довольно широко представлен в творчестве различных по языку и этническому происхождению народов Кавказа. Наибольшей популярностью он пользуется среди абхазо-адыгских народов (абхазы, абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы, убыхи) и осетин. В несколько меньшей степени он отражен в карачаево-балкарском и вайнахском устном народном творчестве. Следы нартовского эпоса отчетливо обнаруживаются и у некоторых народностей Дагестана (особенно у кумыков), а также у отдельных этнографических групп грузиносванов и рачинцев [7, с. 43].

Каждая национальная версия при всем своем сходстве с другими версиями обнаруживает столько своеобразия в содержании и поэтике, что вполне правомерно рассматривать ее как оригинальный национальный памятник. Поэтому каждый из современных народов –

носителей этого памятника, независимо от того, принимали ли его далекие предки непосредственное участие в создании древнейшего ядра эпоса, или нет, может гордиться нартовскими сказаниями как своим духовным наследием, ибо на каком-либо этапе – один на более ранних, другие на сравнительно поздних – предки каждого из этих народов участвовали в строительстве этого чудесного и во многом все еще загадочного храма поэтического искусства. При этом важен тот непреложный факт о том, что он стал своим родным и любимым творением и что он во многом сближает, роднит целую группу кавказских народов.

Следует также подчеркнуть, что не все национальные версии эпоса в одинаковой степени изучены. Осетинские же версии еще в XIX столетии стала предметом пристального внимания многих отечественных и зарубежных ученых, историков, лингвистов, археологов и этнографов.

Нартовские сказания (осетинский вариант) рисуют предков осетин в эпоху железного века, так сказать, во плоти и крови, во всей конкретности реальной обстановки их жизни, отражают их быт, нравы, верования, чувства и идеалы [1, с. 17]. Нельзя не обратить внимания и на сам характер нартского общества, в котором нарты больше занимаются организацией межродовых и межплеменных воин и пиров, чем производительным трудом. Известно, что большинство нартовских сказаний заполнено сообщениями о различных набегах и походах нартов. Организация военного дела нартов осетинских сказаний выписана много подробнее и детальнее, чем любая другая сфера жизни нартовского социума. Нартовская военная система обнаруживает ряд черт, представленных не только реалистично, но и вполне исторично. Состав наступательного и защитного вооружения нартов, структура нартовского войска и черты его тактики находят довольно точные соответствия в скифском и особенно в сарматском военном быту.

Члены нартовского общества давно уже далеко не равноправны и имущественно одинаковы. Эпос рисует борьбу рода «с чувяками из сыромятной кожи против рода с чувяками из сафьяновой кожи». Важные вопросы на Совете старейшин (Нихасе) могли решать только те, «кто способен надеть чувяки и поднять меч» [3, с. 59].

«Материалы осетинского нартовского эпоса свидетельствуют о его сложной истории, тесно связанной с историей самого народа. Будучи порожден исторической действительностью, эпос в своеобразной художественной форме отражает ее и может быть (с учетом этого своеобразия) использован как источник по истории осетинского народа» [4, с. 133]. Заключительная борьба двух героев эпоса – Сослана и Батрадза – с небесными силами представляется символическим изображением борьбы языческого мира с новой религией-победительницей.

Помимо исторических сюжетов в эпосе находят отражение мифологические и сказочные мотивы, так же как в финской «Калевале», киргизском «Манасе» и др. Нартовский эпос, являясь, как и все большие национальные эпопеи, многослойным (полистадиальным), заключая в себе много различных напластований, в своей основе может быть охарактеризован как типичный эпос родового строя с яркими пережитками матриархата. Встречающиеся в эпосе элементы и черты, относящиеся к эпохе феодализма, привнесены в него в позднейшее время. Гомеровские поэмы, германский эпос, русские былины отражают более позднюю стадию общественного развития. В них уже фигурирует институт государства, которого и в помине нет в нартовском эпосе. Ближе к нартовским сказаниям стоят древнейшие ирландские саги. Отсутствие упоминания о государстве сближает нартовский эпос и с «Калевалой». В древнейших частях «Калевалы», «Риг-Веды» и «Авесты» мы находим много параллелей к нартовскому эпосу из области мифологии, мировоззрения и быта.

Выдающийся знаток русского былинного эпоса В. Миллер, изучив обширный материал по нартовскому эпосу, сделал ряд важных выводов. Таковы прежде всего несколько блестящих параллелей между нартовскими мотивами и скифо-сарматским бытом, обычай скальпирования у скифов и шуба из скальпов, ко-

торую велит себе сшить нарт Созруко; похоронные обряды осетин и аналогичные обряды скифов; способ гадания на палочках у осетин и у скифов, совпадающий даже в деталях; в особенности же «чаша героев» Уацамонга у нартов, из которой удается пить только тому, кто совершил величайшие подвиг и кто не лжет, говоря о них, и обычай скифов раз в год давать пить из особой чаши лишь тем мужам, которые умертвили врагов [1, с. 11]. Мотив чудесной чаши имеет многочисленные параллели в мировом фольклоре. Вспомним прежде всего знаменитую средневековую легенду о чудесной чаше Грааль, хранимой рыцарями на горе Монсальват, легенду, давшую Р. Вагнеру материал для оперы «Парсифаль». В ирландских сагах известна, кроме того, «золотая чаша Кормака», которая служила для отличия лжи от правды: ото лжи она распадалась на части, от правды вновь срасталась.

Столь же интересны параллели, проводимые В. Миллером между героями и мотивами нартовского эпоса, с одной стороны, и русскими былинами и иранским эпосом – с другой. Типологическая параллель Урузмаг – Кронос получает в эпосе одно любопытное подтверждение. Кронос, как известно, пожирал своих братьев. Только Зевс был спасен матерью и избегнул участи своих братьев. То же самое приписывается Урузмагу, потомство которого гибнет от его руки. По одному дигорскому варианту, шестнадцать сыновей пали от руки отца. Семнадцатого Сатана отдала на воспитание в подводное царство, даже не показав его отцу. Но волею судеб Урузмаг попадает к Донбеттрам и нечаянно убивает и этого сына [2, с. 34].

Нечаянное убийство Урузмагом своего сына сравнивается с известным эпизодом из «Шахнаме» о том, как Рустем убивает своего сына Зораба. Тот же мотив сыноубийства встречается и в цикле Ильи Муромца. Образ русского богатыря Святогора В. Миллер вслед за М. Халанским [8, с. 185] сопоставляет с образом великана Мукара из нартских сказаний. И в русском, и в нартовском эпосе В. Миллер отмечает мотив сумы с тягой земной, которую не в силах поднять богатырь Святогор – в былинах, Батрадз – у осетин. Гибель Батрадза в схватке с небесными силами сопоставляется с аналогичным концом богатырей Ильи, Добрыни и Алеши.

В богатейшем кельтском эпосе также наблюдается ряд параллелей между аланами и нартами. Об этом свидетельствует статья Х. Никеля «Кто были рыцари короля Артура?» [6, p. 28]. В данной статье автор доказывает, что в основе Артуровского цикла лежит дофеодальный героический эпос, бытовавший среди сарматов и алан, оказавшихся во Франции и Англии в составе римских армий и во время великого переселения народов. Лишь со временем этот цикл был втянут в орбиту рыцарских романов и подвергся соответственной переработке. Но архаичные черты не были полностью стерты. Сам «Круглый стол», где все равны, не имеет ничего общего с феодальной иерархической лестницей сюзеренов и вассалов, но как нельзя лучше соответствует военной демократии, которая была характерна для сарматов и алан. Есть прямые параллели между Артуровским и нартовскими циклами. Такова связь с водной стихией. Герои «Круглого стола» проводят в недрах озер целые периоды своей жизни. Прославленный Ланселот получил воспитание в подводном замке, как некоторые нарты. О рыцаре Гавейне узнаем, что его сила растет от рассвета к полудню и исчезает с заходом солнца. То же самое рассказывается о нарте Сослане. Оба героя совершают путешествие в потусторонний мир. Для обоих «родственные отношения по материнской линии гораздо важнее, чем по отцовской». На образе Гавейна, как на образе Сослана, лежит печать волшебства. Знаменитый скифо-нартовский мотив плаща из скальпов, бород и усов несколько раз фигурирует в цикле Артура. Особенно яркая параллель: Артур и Батрадз перед смертью велят закинуть свои мечи в море, отчего море приходит в великое волнение [1, с. 37].

Осетинские нартовские сказания содержат обширный этнографический материал, который представляет большой научный интерес и является ценным дополнением для познания культуры осетинского народа и многих элементов его быта в далеком прошлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин: втупит. статья // Нарты: осетинский героический эпос. М.: Главная редакция восточной лит., 1990.

2. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990.

3. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1.

4. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980.

5. *Лафарг П.* Очерки по истории культуры. М.; Л., 1926.

6. *Nickel H.* Wer waren konig Artus' Ritter? Uber die geschichtliche Grundlage der Artussagen. Waffen- und Ko-tum-kunde. Jahrgang, 1975.

7. *Салакая Ш. Х.* Абхазский нартский эпос. Тбилиси: Мецниереба, 1976.

8. *Халанский М.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885.

9. *Хатаев Е. Е.* Народная педагогика Северного Кавказа. М., 1993.